

Сочинить себе родину

В Третьяковской галерее открылась выставка Бориса Кустодиева

Дмитрий СМОЛЕВ

Ничего неожиданного на такой выставке быть, наверное, не может — да и не должно. На Кустодиева ходят не за сенсациями, а за ностальгическим умиротворением. Этот автор хрестоматиен настолько, что даже новые для себя вещи воспринимаешь как хорошо знакомые. Тех, кто считает подобное обстоятельство крупным недостатком, переубедить нельзя, остальным можно посоветовать не стесняться душевного комфорта, доставляемого кустодиевским творчеством. Например, Анри Матисс, художник совершенно иного склада, называл свою живопись креслом для глаз — и ничего, любить ее не считается зазорным. Почему бы и на Кустодиева не распространить такое отношение?

Нынешняя персоналка в Третьяковской галерее — это московская версия показа, проходившего недавно в Русском музее. Вещей стало меньше, что экспозиции пошло на пользу: некоторая вольготность при развеске кустодиевских полотен более чем оправдана. Сейчас здесь преобладает «русская тема», те самые трактиры, ярмарки и сенокосы, которые так запали в души кустодиевских современников и потомков. К хитам примыкают заказные портреты, образцы сценографии, шикарные зарисовки углем и карандашом — словом, грани мастерства обозначены по всем музейным правилам. Царящую безмятежность поначалу хочется разоблачить, отыскать какой-нибудь диссонанс, обнаружить несоответствие формы содержанию, но потом задаешь себе резонный вопрос: а зачем? Кустодиевский мир, хоть и выдуман насквозь, так легко принимается сердцем, что было бы глупо отказываться от позитивных эмоций. Дисгармонии хватает в других местах.

Показательно, что сам художник относился к своей приукрашенной Руси с легкой иронией, но без издевки. Видимо, жила в нем по-

Красавица

Купчиха

ребность строить собственный миф, в котором бы реальность переплеталась с идиллией. Он сознательно берег свое искусство от любых драматических эффектов. Восхищаясь, к примеру, пьесами Островского, искал в жизни его типажи, но никогда не «нагружал» своих персонажей никакими психологическими свойствами. Для него не Катерина была лучом света в темном царстве, а вся его живопись по отношению к окружающему. Даже изображенные Кусто-

диевым революционные волнения больше похожи на масленичные гулянья, чем на предвестия кровавого бунта.

Потому и не стоит воспринимать его полотна как некую попку в стиле «конфетки-бараночки». Это нарисованная Аркадия, буколические видения в эпоху, ничем не напоминающую «золотой век». Программа и позиция, если угодно. И для реализации такой позиции нужно немало мужества и таланта, потому что легко напороться на насмешку и непонимание. Борис Кустодиев счастливо этого избегал, пользуясь признанием современников. Сгоряча даже можно назвать его баловнем судьбы, но стоит напомнить, что последний десяток лет жизни он провел в инвалидном кресле. И знаменитая «Русская Венера», хрестоматийная ода физическому здоровью и пышности форм, была создана им в нечеловеческих муках. Слишком необходимым оставался для художника его изобразительный идеал. Нам теперь он нужен не позарез, достаточно других впечатлений, однако попадаешь на кустодиевскую выставку — и забирает, непонятно даже почему. Словом «талант» мало что объясняется, а другого не подыс-

Русский курьер — 2004 — 5 июня — с. 10